

ИВАН
ПОЛЯНКА

ПОДМОСКВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Иван Полянка
ПОДМОСКВА

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрации на переплете *Алисы Аспер*
Дизайн обложки *Василия Половцева*

Иллюстрации для внутреннего оформления *Анны Маюновой*

Полянка, Иван.

П54 ПодМосква/ Иван Полянка. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Нова Фикшн. Тайные города).

ISBN 978-5-17-193312-8

Есть две Москвы: та, что мы знаем, и иная — подземная, где отражается все, что город сложил в сказки и легенды. Здесь живут персонажи, сошедшие со страниц книг и с постаментов — от Ивана-Дурака до самого Пушкина. Здесь слова не пустой звук: присказка бьет по-настоящему, а пословица убивает. Здесь не умирают — истончаются, как забытые воспоминания, пока не исчезнут вовсе.

Куда ведут Красные ворота?

Чей рог трубит на станции «Охотный ряд»?

Сыщик-оборотень Серый берет след украденного ключа, которым можно отпереть что угодно, — и выходит на бродяжку Кривду, что проклята лгать без остановки. Она отдает все, чтобы вспомнить себя. Серый — чтобы никогда не вспоминать. Их дороги сойдутся в час Страды, в смутное для ПодМосквы время, когда истончиться может каждый.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-193312-8

© Полянка И., 2026
© ООО «Издательство АСТ»,
оформление, 2026

*Памяти Алены Геокчоглян aka
Волки — нашей прекрасной
и рано ушедшей Черемухи*

ПРОЛОГ

В полутемной горнице, полной вязкой тишины, раздались скрипы: дышали половицы под ногами. Одна за другой вошли сестры, и Старшая запалила свечи. Капли темного воска, оплывающего под огнем, отливали алым, как густые капли крови.

Внезапно мир вокруг вздрогнул — словно где-то под сводом ПодМосквы ударил гигантский тяжелый колокол. Слово на мгновение застонало, завибрировало все вокруг. И — затихло! Но никто не услышал этого, кроме самых сильных чародеев ПодМосквы. Только чуткие к Матери Сырой Земле могут уловить ее вздохи в преддверии беды. Глаза Старшей Сестры блеснули, как звезды, утонувшие в колодцах.

— Страда грядет! — прошептала она.

— Пора бы! — пожав плечами, кивнула Младшая. — Сейчас мы таких снов напустим, что чародеи и ведьмы готовы будут перерыть всю ПодМоскву! Глядишь — и до Китежа доберутся!

И, запрокинув голову, звонко засмеялась — как хрустальный бокал разбился. Средняя нахмурилась: ей не понравился этот смех. Но она молча высыпала из широкого рукава ворох заготовленных Слов, одним движением взметнув их в колдовском вихре:

— *Морочила морока, а пророчила сорока...* — шепнула Младшая.

— *И рад бы не спать, да сон одолел...* — проговорила Средняя.

— *Во хмелю да во сне человек сам в себе неволен...* — выкрикнула Старшая.

И понеслись по уделам ПодМосквы Сны жаркие, говорящие, темные Сны, в которых грезилось, что можно исполнить даже самое сокровенное желание.

И в тот же миг, как разлетелись коварные Сны, оборвался сон одной ПодМосковской замухрышки. Она проснулась среди ночи — глухой и черной, словно вдовий плат. А сердце замухрышки зашлось в отчаянном крике, предвещая беду. Впрочем, убогая тут же взяла сердце в узду — дело привычное. Тому, кто носит имя Кривда, негоже бояться судьбы. Это пусть Сама Судьба остерегается ходить одними путями с теми, кто проклят.

КРИВДА

БЫЛА БЫ ШЕЯ — ХОМУТ НАЙДЕТСЯ

Говорят, что Правда в лаптях ходит, а Кривда — хоть в кривых, да сапогах гуляет. Говорят, да все врут. Что имя — то и судьба. Коли дерево кривым растет, то до неба и не дотянется.

Кривда сидела на крыльце терема на Третьяковской, сжав кулаки, и перебирала горькие, полынные думы. Как и сто лет назад, придется веретеном крутиться да пере-кати-полем катиться. Куда первый шаг направить, чтобы не прогадать, чтобы не истаять? Как раз в этот час по трем уделам расхаживал Новый Русский, хмельной от неожиданной победы. Три удела — обе Третьяковских и Новокузнецкая, — да все твои. Он уж смекнул: будет немало охотников проверить, не ослабел ли новый хозяин в Брани. Значица, поскорее надобно новоселье справить. А рядом уже доброты-нахлебники льют в уши: мол, и именины не забудь, чтобы правом имени уделы крепче привязать.

Вышла Крутилиха, повела головой из стороны в сторону, присела рядом. Высокая чернявая баба с вороньим взглядом, силища ее Слов с ног валила. Такой бы самой уделом править, а не в кабале ходить.

— Что этот там — осваивается? — угрюмо спросила Кривда.

— Ага, — отозвалась Крутилиха. — Новые Имена примеряет.

Крутилиха достала сигарету и затянулась. Кривда машинально потянулась за пакетом семок. Обе замолчали, утопив недосказанное в тишине.

Брань на волшбе — дело долгое, но исход все равно один: чье-то Слово последним окажется. Вся ПодМосква

знала, что Третья в волшебстве сильнее, чем пришлый ученик, пусть он в пиджаке алом хаживает. Говаривали, конечно, про Нового Русского разное: и что цепь его заговорена на удачу, что Словарь у него блатной, что пророс он не к сроку — то ли на двадцать лет раньше, то ли позже своего времени, — но все сходились в одном: с Третьей он к успеху не придет. Не светило ему побить колдунью, как солнце никогда не светило в ПодМоскве. Все ставки были на Третью. И все погорели.

Сейчас только и разговоров о том, что же подвело светлоглазую колдунью. Со Словами небрежно обошлась: понадеялась, что и так не сдюжит залетный? Карта плохо легла? Господин Случай отвернулся?

Крутилиха достала вторую сигарету. За забором раздался нахальный топот Лихоборской братвы.

— Эгей, девахи! — Как всегда, первым в разговор влетел Лихой — был он чуть шустрее брата во всем: как в словах, так и в Словах, как в Брани, так и в решениях. — А вы-то теперь куда, сиротинушки?

Повисла пауза, и Кривда попыталась угадать подоплеку вопроса. За столетие, что она служила у Третьей, ей так и не удалось раскусить Лихоборских: были они в самом деле без совести и без задней мысли или умело прикидывались. Коли есть возможность взять силой — брали, не моргнув глазом. Ежели огребали за это, долго не печалились. Затылок почешут — и ходу дальше.

— Пойду сиротскую долю избывать, — ответила Кривда загадочно. — Доля за собой поведет да к судьбе выведет.

— А я, коли и есть план, кому попало не скажу. — Крутилиха бросила на братьев черный взгляд.

— Как хотите, девахи! — потянулся Борзый. — Может, вы и горевать еще по хозяйке будете, а мы-то с братом только рады! Мы теперь вольные птицы, как и было испокон веков!

— Только вот безудельные, — прищурилась Крутилиха.

— Ну, это ненадолго! — Лихой беспечно махнул рукой. — Вон дьяк Кожух, бают, ослаб после своей дуэли. Может, навестим его...

— Чего языком мелешь-то, пустобрех, Три Сестры тебя возьми? — оборвал его Борзый.

— А что не так?! Все равно Намерение объявлять!
— Так, может, она раньше нас до Кожуха добежит!
— Вот только до Кожуха мне бегать! — буркнула Крути-
лиха. — Шли бы вы отседова!
— А мы и пойдем! Хо! — Лихой оттянул подтяжки и звон-
ко щелкнул ими. — Я-то теперь, может, и вовсе женюсь!
Кривда про себя ухмыльнулась, представив ту наивную
девицу, которую угораздит приглубить этакое наглеца.
А вслух с невинным лицом сказала:
— За тебя, знамо дело, любая пойдет! Только свистни!
Еще и удел притащит!
Братья, оценив шутку, загоготали.
«Редкий талант! — подумалось Кривде. — Умеют над со-
бой посмеяться».

Нехотя она спустилась с крыльца на пустой перрон стан-
ции. Помедлила, нащупала пальцами на шее прохладный
камешек амулета. Оставить или нет? Теперь все одно: при-
зывай не призывай — хозяйка уже не явится. Подаренный
когда-то оберег превратился в пустое напоминание.

Раздумывая о потерях, Кривда спрыгнула на пути и углу-
билась в тоннель, освещаемый редкими тусклыми свечами,
что теплились уже не первый век.

Говорят, кому нечего терять, тот страха не знает. Кривда
к этим счастливым не принадлежала. Второй день она но-
силась по тоннелям, и темное предчувствие грызло ее, как
червяк, скручивало до колик.

«Врешь, не возьмешь!» — сказала она ему.

«Посмотрим!» — откликнулось предчувствие.

Уж век как не приходилось ей вертеться веретеном,
пытаясь спрясти нитку новой судьбы и новой славы. Об-
ленилась, размягчала она, как сдобное тесто на расстойке.
Как бы не спечься, раз жизнь жару поддала.

Идею податься к Светлым Кривда отбросила сразу.
Светлая сторона прирастала новыми людьми редко. Свет-
лые, конечно, никому не отказывали: хочешь — приходи
к Ломоносу, давай Обет Истине, а он тебя защитит от ис-
таянья. Вот только, чтобы принести этот Обет, надобно
иметь настоящее научное Искание и быть одержимым этим

путем не меньше, чем Красные охвачены пламенем своих страстей. А Кривду если и занимал какой-то поиск, то лишь поиск давно утраченной памяти, что никак не годилось для Обета.

В дружину Донского девиц не брали, даже если бы Кривда рискнула. Из ближних свободный удел оставался только у славившегося дурным нравом Дьяка Кожуха. Нехотя свернула Кривда на Кожуховскую. Удел Дьяка был огорожен темным высоким частоколом, который упирался в беленый купол свода. Кривда постояла у кривых деревянных ворот, послушала их неприветливый скрип. Внутри хуже голода грызло ее сомнение — стучаться ли? Знакомство их с Дьяком Кожухом случилось аккурат сотню лет назад, и друзьями совсем не сделало.

Тогда Кривда безымянной и беспамятной бродяжкой пришла на Потеху. Искала — как прожить и чем поживиться. Сто лет прошло, а помнилось как вчера...

* * *

Сто лет прошло, а помнилось как вчера. Мир только-только расходился по швам. Многие, если не все, побывали на краю забвения. А кое-кто не устоял. Местный люд отходил от беды, и бесшабашность витала в хмельном воздухе.

На Красной площади посреди ПодМосквы кипела большая Потеха — всенародное увеселение. Самая большая ПодМосковская площадь была вымощена булыжником, который частенько шел в дело на тех сходках, где заканчивались бранные Слова. С одной стороны площади тянулись крытые торговые ряды, где при желании можно было отыскать все, начиная с ведерного самовара и заканчивая новой личиной. С другой стороны высилась древняя крепостная стена из облупившегося красного кирпича. Стена начиналась где-то в туманном тоннеле и уходила, словно истаивая, в другой тоннель. Поговаривали, что за крепостной стеной скрываются то ли старые храмы, то ли разрушенные башни, но ни добра, ни наживы ждать от них не приходится.

ПодМосковский люд не слишком жаловал Красную: в обычные дни была она гулкой и пустой. Только торговцы

за прилавками зевали в ожидании гостя, коему внезапно понадобилась новая скатерка или праздничный набор столовых. Торговля здесь никогда не шла бойко: всем было известно, что купцы дерут с покупателей втридорога, а разнообразного товара больше на Ярмарках да Потешных рядах.

Пестрые палатки торговых рядов праздничным кушаком опоясывали площадь, и здесь-то не было отбоя от желающих что-то прикупить или хотя бы поглазеть да понюхать. В воздухе витали запахи пирогов, кваса, дыма от факелов и, непонятно откуда, навоза. Зазывно пела гармонь, призывая пуститься в пляс, хохотала балалайка, где-то — повизгивали скоморошьи дудки. Хозяйка Потехи Забава Путятишна расстаралась — там и тут раздавался ее голос, подначивал задиристых молодцев и спесивых мужей на новые игрища. Посреди площади, прямо меж торговых палаток, установили деревянные козлы с уложенными на них бревнами. На бревнах с азартом и взвизгами бились подушками в основном девицы. Молодцам было по душе что-то посерьезнее — на свободном пространстве за торговыми рядами уже собирались команды для кулачного боя, стенка на стенку. У самой крепостной стены люд играл в лапту и городки. Неподалеку, смеясь, разматывали толстый канат для перетягивания.

На увеселения бродяжка смотрела равнодушно — ее влекли калачи и разговоры. Она искала того, кто даст дельный совет да не попросит взамен больше, чем у нее есть.

— И кто же ты будешь? — прозвучал над головой скрипучий голос.

Над бродяжкой нависал корявый мужик с зеленоватыми, похожими на лишайник волосами. На плечи накинута тулуп из коры, на ногах берестяные онучи.

— Никак, новенькая? Куда спешишь? — дребезжал леший, не дожидаясь ответов.

Как ни пыталась бродяжка его обойти, он все оказывался на пути.

— Ходи мимо, и мне ходу дай! — Слова сами собой соскочили с языка. — А то мой суженый тебе голову снесет да на заборе повесит!

— И кто у нас суженый-то? — Мужик прищурился. — Иван Царевич небось?

— Мой суженый ликом леп, а нравом — горд! — Язык бродяжки бойко нес околесицу. — И это сам черт!

— Анчутка-то?! — Леший ажно заскрипел от смеха. — Пан Чертановский? Хо-хо-хо! Вот женишок-то сыскался! Пойдем тады к женишку!

Он прихватил узловатыми пальцами плечо бродяжки и потащил:

— Хуже-то не будет!

Саркастический голос в голове отозвался: «Будет-будет!» Но силы остались в бесконечных тоннелях, язык онемел от ужаса. Мужичок же, кряжистый, рослый, быстро тянул бродяжку подальше от факелов. Она крутила головой, выискивала сочувствия или хотя бы любопытства. Толпа веселилась, балагурила, тостовала и куролесила направо, но не было здесь ни друзей, ни заступников. Видно, незнакомец тоже это знал. Он проволока ее краем площади, нырнул в темный проулок за торговыми рядами и толкнул к стене. От усталости и страха ноги бродяжки подкосились. Она медленно сползла на землю. Леший стоял над ней, шелестел, успокаивая дыхание.

— Знать тебя не знаю, ведать не ведаю, — начал он, — но отсюда уйду один!

В голосе его чудились отчаянье и решимость.

— *Такова хозяйина воля — такова твоя доля!* — В словах прозвучал дальний, совсем не лешачий голос. Мужик сгреб ее за ворот и поднял. — Не противься, легче будет!

Дыхание перехватило, бродяжку накрыло жгучее возмущение. Значит, все было зря — блуждания, боль, бег?! На надгробии только и останется написать: «Ее память была короче этой эпитафии». Ну уж нет! Бродяжка сделала вид, что теряет сознание, — обмякла словно куль с мукой, обвисла на руках захватчика. А чуть он ослабил хватку — рванулась в сторону и, оставив в его руках воротник, заголосила:

— Пожар! Пожар!

— Далеко он больно — не услышит! — проскрипел леший, сцапав ее за руку. — Мы же на самых задках, сюда никто носа не сунет!

Она дернулась еще раз, закричала, напрягаясь до боли:
— Помогите! Во имя Трех Сестер!

А затем враг перехватил ее за горло, и наступила темнота.

«Недолго музыка играла», — подумала бродяжка, чувствуя не столько страх, сколько досаду.

Чьи-то цепкие пальцы впились в запястье — будто сама жизнь удержала в коготках. Она подняла голову, ожидая увидеть замшелое страшилище, но встретила совсем иные глаза — светлые, как морозное небо. Взгляд проник в ее внутреннюю пустоту, нашел робкие мысли и с этой скудной добычей вернулся. Бродяжка ощутила, как загустела ее жизнь, — будто в тесто вмешали муки.

— Кто же ты, девонька? — спросил тягучий голос, лакомый, как мед, острый, как нож, настезь раскрывающий тело. — Поведай мне правду о себе.

Такому голосу нельзя лгать — это было ясно, как ясны были очи незнакомки. Бродяжка открыла пересохший рот, чтобы, не скрываясь, рассказать о короткой жизни, и едва услышала свой сиплый голос:

— Кличут меня Заря Утренняя, и прихожусь я дочерью царю Берендею, что правит в славном граде Китеже. Надумал царь меня замуж отдать, да не за того, кто люб. И тогда надела я железные башмаки, взяла каменный посох и сбежала с вольным ветром — как верная спутница его. Не сносился посох и до середины — оказались мы в темных краях. Загулялся мой ветер по здешним тоннелям да сгинул в темноте. Вот и ищу я его...

Язык плел сказку, слова складывались, а бродяжка дивилась, почему она лжет опасной ясноокой сударыне. Незнакомка будто не слушала; расплетала русую косу, глядела во тьму. Лишь чуть бровь подняла, когда в скалочке зашумел ветер. Бродяжка умолкла, и собеседница задумчиво усмехнулась:

— Складно заливаешь, девонька. Небось против своей воли?

— Против. — Бродяжка обмерла, радуясь, что язык снова повинуется и можно сказать правду.

— Занятно, — протянула незнакомка. — Проклятье-то у тебя нехитрое. Могу снять, но нужно имя твое знать. Настоящее имя. Сама, вижу, не скажешь. Позволишь ли глянуть?

Вопрос не подразумевал отказа, бродяжке оставалось только кивнуть. Незнакомка положила прохладную ладонь на ее лоб, а второй рукой рубанула воздух, бросив Слово:

— *Шила в мешке не утаишь!*

Затем, чуть помедлив, добавила:

— *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.*

Бродяжка показала себе беззащитным младенцем. Колдунья змеей вползла в короткую память, выискивая в ней темные углы и тайные пещеры. Глаза бродяжки видели, уши слышали, но ее самой словно не было здесь: ни боли, ни страха — никакого чувства не жило в ней. И в этой пустоте из бесконечной дали прозвучал горький мужской голос: «*Чтоб друзья в трудный час не признали!*» И кто-то шепнул следом: «*А враги — помнили*». Тут тело снова откликнулось: голоса истаяли, загудели ноги, заныла ушибленная рука.

— Негоже, девонька, бродить без роду-племени! — Тягучий голос снова полился медом. — Не помнишь совсем ничего?

— Ничегошеньки, — подтвердила бродяжка.

— Дело не редкое. Есть охотники до чужой памяти. Немало и тех, кто свою ищет.

— Находят? — с надеждой спросила она.

— Случается. — Незнакомка повела головой, водопад русых волос заискрился в свете факела. — Воспоминания запереть — сильная волшба. Против любого проклятия сила найдется, если знать, кто проклял да зачем. А твой враг, видишь, затейником оказался. Одно проклятье на другое наложил. Беспамятной сделал, а сверх того еще и лгуньей. Ложь вроде бы пустяк, а теперь — единственная твоя натура. Потому что другого ничего не имеешь за душой.

— И что же мне делать? — почти машинально спросила бродяжка.

— С этим ничего пока не сделаешь, — усмехнулась собеседница. — Но у тебя-то, рыбонька, другая беда сейчас — на пороге забвения стоишь. Славы твоей осталось меньше, чем молока в кошачьей миске, — часа не пройдет, как истаешь.

Слава? Бродяжка нахмурилась, почувствовав, как это слово отозвалось во всем теле колокольным гулом. Хотела было задать вопрос, но почуяла: не стоит. И так все было яснее ясного: Слава — и есть та жизненная сила, что наполняет всех живущих под сводом Подмирья. Нет Славы — нет и жизни. Вот у нее, к примеру, Славы почитай и не осталось. Все нутро говорило, да что там — кричало: истончаешься с каждым шагом.

— А и выбор невелик. Своего удела не имеешь, чародейства тоже, — задумчиво продолжила колдунья. — Значит — либо в ученики идти, либо под хозяина. Ты, по всему видно, из Прочих-Остатних — тех, что и пламенем не горят, и за истиной не гонятся. Хочешь, возьму тебя на клятву верной службы? В моем уделе и место свободное найдется.

— А память вернуть сможешь? — Бродяжка понимала, что не в ее положении торговаться, а все же упрямилась.

— Препятствий чинить не буду, но и гор свернуть не обещаю. На былом свет клином не сошелся. Память воротить дело доброе. Не воротить — обычное. А обычные-то дела чаще творятся.

Журчали, обволакивали слова незнакомки:

— Ради добра и на смерть идут. А у Прочих-Остатних в обычае: сам живи и другим жить дай. Вот и я тебе говорю — живи! Пойдешь ко мне на службу, рыбонька?

— Что ж и не пойти, — сказала бродяжка, будто в омут ухнула.

— Тогда прими мой первый дар для Славы своей, — кивнула светлоглазая. — Именую тебя Кривдой, по проклятью твоему.

— Кривда, — повторила бродяжка. — Достойное имя для адвоката.

— Имя не благое, но подлинное, — улыбнулась колдунья. — Слава на него как нитка на катушку будет наматываться.

— А как же тебя называют? — Кривда вскинула голову.

— Третья с Третьяковского удела, — усмехнулась ее новая хозяйка. — Пойдем на площадь, а как клятву принесешь, заглянем к Дьяку должок стробовать.

— Какой должок?

Третья кивнула в сторону. Кривда оборотилась и увидела на земле свернувшегося калачиком лешего.

— Это Тюфель, холоп Дьяка Кожуха, — пояснила колдунья. — Я уже глянула: не по своей воле он на тебя напал. Дурная волшба вела.

— Дьякова?!

— Вряд ли. — Третья чуть улыбнулась. — Кожух бирюк знатный, но далеко не дурак. Никто в своем разуме собственного холопа не отправит на такое дело. Кто-то сторонний подловил Тюфеля да наложил волшбу. Колдовство это непростое, а значит, и враг твой непрост.

— Зачем же тогда мы за долгом к Дьяку пойдем? — не поняла Кривда.

— Затем, что за холопа хозяин всегда в ответе, — жестко отрезала хозяйка. — Вольно или невольно тот провинился, а Дьяку ответ держать. Заодно ты посмотришь, что хозяин делает с холопом, по вине которого придется платить виру. А твой враг увидит, что ты теперь под моей рукой.

* * *

...Вспомнилось — как привиделось. Знала Кривда, что ничего в ПодМоскве забывать не принято, а уж у Дьяка память злая, как вечно голодный цепной пес. Да выбирать-то не приходилось. За сто лет много Славы она не нажила — последние капли цедила. Потому без раздумий отворила дверь и вошла.

Дьяк выслушал Кривду хмуро.

— Помнишь, я слуг своих отдавал Третьей в уплату виры, за то, что какой-то лиходея на тебя Тюфеля натравил? — Он смотрел на нее исподлобья. — Возьму в холопы с условием, что первые пятьдесят лет за двоих служить будешь.

Дыхание у Кривды перехватило. Дьяк стоял в черном кафтане, ухмылялся мрачно. Она перевела дух и набиралась смелости что-то сказать, когда Кожух расхохотался:

— Проверить тебя хотел, да поддеть малость. — Дьяк резко перестал смеяться. — Последнее время уделы не славят, как прежде. Только на старых холопов и хватает. Взял бы тебя, да не потяну.

Когда Кривда уже уходила, он окликнул ее:

— Вижу, Слава твоя утекает. Дам совет: не трать время — не ходи по хозяевам. Ныне только Дедушка берет в службу